

**МИНИСТЕРСТВО ТРАНСПОРТА И КОММУНИКАЦИЙ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ТРАНСПОРТА»**

“Железная дорога в литературе и искусстве”

Удивительные записки

Рассказ

Кондратенко Елена Сергеевна

2 курс, СА-21 (Автомобильные дороги)

Гомель 2022

Удивительные записки

*“Он взял на себя тяжёлую задачу,
большую даже, чем строительство
величайших египетских пирамид”
Джордж В. Каллом*

Глава1 “Фёдор Коваль”

Глухое место. Непроходимый лес и топкие гнилые болота. Изувеченные ураганом деревья то и дело попадают одно за другим, не сообщая о том, что простому смертному здесь не пройти. Безмолвные ели-переростки, грозно насупившись, закрывают своими лапищами без того серое некрасивое небо. Неприглядная картина для человека, искушенного городской жизнью. Эта неумытая чаща – “владение” светлого и добросердечного егеря Фёдора Ковалья – человека простого по происхождению, потому и бедного, и незамысловатого по уму. Этакое противоречие...

Каждую среду ровно в девять гробовую тишину леса нарушает приглушенный свисток разносчика почты с соседнего Поречья.

Шёл 1834 год. Уже как с десяток лет Фёдор не получал ни единой весточки. А от кого? Мать, Зофья Саввична Коваль, по матери Горская, коренная полька, всю жизнь посвятившая себя пятерым сыновьям, которые умерли один за другим от чахотки в младенчестве, сама слегла на пятом десятке. Батя, Велислав Коваль, кузнец до мозга костей, не пережил утраты любимой Зофьюшки и, пережив супружницу всего на два года, роковой зимой 1830-го преставился. Так, Фёдор в свои 29, ещё не избалованный родительским вниманием и заботой, остался один в

окружении непроходимого гродненского леса, избушки лесника и единственной протоптанной им же самим тропинки, которая вела в удивительный мир- берлогу косолапого. Многие годы проживания в глуши сделали Фёдора опытным егерем. Ни одиночество, ни тоска по городской жизни не охладили его сердце, не сделали его замкнутым человеком. А наоборот, открыли в молодом парне особенную любовь к дикой природе и единственному лесному постояльцу - бурому медведю.

Каждое утро Коваля начиналось с обхода вверенной им же самим территории. Ближе к полудню – проверка самодельных ловушек (единственный шанс обнаружить какую-либо мелкую живность в этих местах), но с каждым днём крепло понимание того, что они с Потапычем абсолютно одни.

“ Ну что, Миха, дожёвывай жёлудь да ложись, накрою тебя еловыми ветками, да поплотнее. Зуб даю: зима будет на совесть лютая”.

Так и шли день за днём, серые будни сменялись серыми воспоминаниями: отцовский дом-хата на полчеловека, а по факту там вмещалась целая семья, несколько единиц скотины и слепой кот-приблуда, прибившийся за маленьким ещё Фёдкой, когда он возвращался с рыбалки, нёс целую сумку карасиков; внезапно вспомнились долгие зимние вечера с матерью, её волшебные сказки появлялись внезапно и из ниоткуда; отец...он оставил в сердце мальчика особый след. Всегда весёлый, счастливый, его глаза всю жизнь излучали свет, но, как оказалось позже, это был свет надежды и его улыбка была зачастую грустная и напускная. Да, в то время простому человеку приходилось несладко...Ценные воспоминания окутали главного героя плотной вуалью усталости, и глаза сомкнулись под гулкое завывание ветра за окном. Фёдор уснул.

Глава 2 “Диковинный зверь”

Солнечное утро ослепило каждый уголок чёрного царства, сквозь каждую еловую веточку просачивался хрупкий острый луч. Но тишина продолжала властвовать. очередной обход не принёс долгожданных трофеев, и Фёдор Коваль решил вернуться в лес к вечеру. По дороге к избе, набрав полные карманы брусники и дикой малины, он наткнулся на хорошенькую лужайку сыроежек. Столько лет в “затворничестве” сделали Фёдора отменным грибником. С расстояния пары-тройки метров он безошибочно мог разглядеть: съедобный или ложный гриб перед ним.

Дни шли быстро, и порой казалось, что день сурка продолжался бы бесконечно, но сегодняшнюю встречу Фёдор запомнит на всю жизнь... Осторожно ступая по хрупким измокшим от дождя веткам, Фёдор внезапно замер, холодный пот плотным слоем покрыл его спину: “Миха, ты?” - малый процент вероятности, что Косолапый так скоро пробудился от спячки заставил егеря отчаянно вскрикнуть. По мокрому мху застенчиво и гордо ступала рысь. Пятнистая шубка диковинного зверя лоснилась на остатках солнечного света, переливаясь всем спектром от светло-бежевого до насыщенно-шоколадного цвета. Стройные, но сильные лапы крепко и уверенно стояли на болотистой местности, как будто неоднократно здесь бывали. Но наш герой поклялся бы всем, что доселе зверя такого он не видел. Так бы и стоял Фёдор как окаменелый, если бы не вновь разразившаяся буря, непогода заставила его отмереть и кинуться в укрытие. Дождь утих. И егерь, добежав до самодельного шалаша на небольшой опушке, не торопясь, всё ещё ошарашенный увиденным, побрёл в избушку.

Дары леса.

Как много мы знаем о том, чем богат белорусский лес: дикие ягоды – кладёшь витаминов и энергии. Брусника, голубика, клюква, а если наткнуться на черничник- вот везение! А набрать целое лукошко белых – настоящая мечта грибника! Фёдор собирал и лечебные травы, бережно высушивал тонкие листочки дуба и берёзы, нежные лепестки ромашки, эхинацеи и календулы хранил в самодельной плетёной корзинке на особый случай болезни или внезапного упадка сил.

Глава 3 “Удивительные записки”

Следующие три или четыре дня егерь не возвращался на то место, где рысь его застала врасплох своим неожиданным появлением. Это время егерь потратил на изготовление мелких и не очень деталек из подручных средств. В основном Фёдор использовал самодельный лобзик, долото, держатель для инструментов и ещё несколько приспособлений, не имеющих в народе названий, для облегчения работы. Была это глина либо древесина – готовый результат не мог не радовать глаз. Миниатюрные модели карет, кибиток, колясок наверняка ждали своего маленького владельца, но эти мысли герой гнал зачастую подальше.

В этот день произошло кое-что удивительное и невероятное. Рысь-самозванка не покинула голову егеря, а, наоборот, укрепила позиции идеи фикс. К слову, таинственного зверя на месте не оказалось, но нашлось там кое-что поинтереснее: старая, измученная временем записная книжка. А дело обстояло так: в–первую очередь были осмотрены деревья в округе на наличие следов зубов, кое-где кора была содрана, но так было и раньше. Фёдор это знал и не придавал этому особого значения. Поиск новых следов на мягком мху, а также на топком торфе тоже не принесли успеха. Вскоре егерь начал ощупывать каждую сломанную ветку, лежавшую, где придётся, после сильного ветра накануне, и второй раз за короткое время окаменел. Так в его руках и появилась старая книжечка. Жёлтые мокрые страницы были слеплены в единое целое, и до разгадки написанного пришлось ждать целых пять лет.

Мастерская леса.

В современном мире, несмотря на прогресс, который затронул абсолютно все сферы жизнедеятельности человека, до сих пор широко используются материалы из “мастерской леса”: окна, мебель, спички.

– Банальные вещи, – скажут сегодняшние ремесленники. – Изделия из древесины с использованием эпоксидной смолы! Вот бум современности.

Грубые, неухоженные руки перебирают потрёпанные страницы. Егерь, сидя на завалинке возле медвежьей берлоги, читает вслух: “Интервал скоростей Дельта V, в пределах которых будет производиться построение отрезков кривой скорости. Для задания Дельта V следует: выбрать режим поезда (в этом месте Фёдор задумался, сделав глубокий вдох, почесал голову и тотчас шумно выдохнул), торможения. Для

заданного режима определить равновесную скорость, к которой будет стремиться скорость поезда при движении по элементу с уклоном в выбранном режиме движения. Задаться интервалом скоростей Дельта V в направлении увеличения скорости, если равновесная скорость больше начальной скорости задаваемого интервала, или в направлении уменьшения скорости, если равновесная скорость меньше начальной скорости. При этом следует принять: Дельта V равно 10 километров в час, если равновесная скорость отличается от начальной скорости задаваемого интервала более чем на 10 километров в час, Дельта V определяется как разность данных скоростей, то есть Дельта V равна разности равновесной скорости и скорости в начале задаваемого интервала". На последних страницах, чуть державшихся на блокнотном корешке, были замечены плохо различимые цифры (предположительно год рождения), но имя владельца ценного блокнота было написано с особым старанием и чересчур заметным сильным нажимом - Джордж Стефенсон.

Несколько лет вокруг избы уже была организована целая магистраль. Брёвнышки и пеньки, ветки и даже увесистые куски торфа использовались, как думал Фёдор, по назначению. Восемь дней ушло на создание замкнутого пути. Добротным материалом послужили брёвна подгнившей сосны, которая больше полутора лет назад упала, поражённая шаровой молнией. Самой незамысловатой частью создания загадочного проекта по формулам в записной книжке была сортировочная станция. Несколько больше усилий понадобилось для воссоздания депо и поворотного круга.

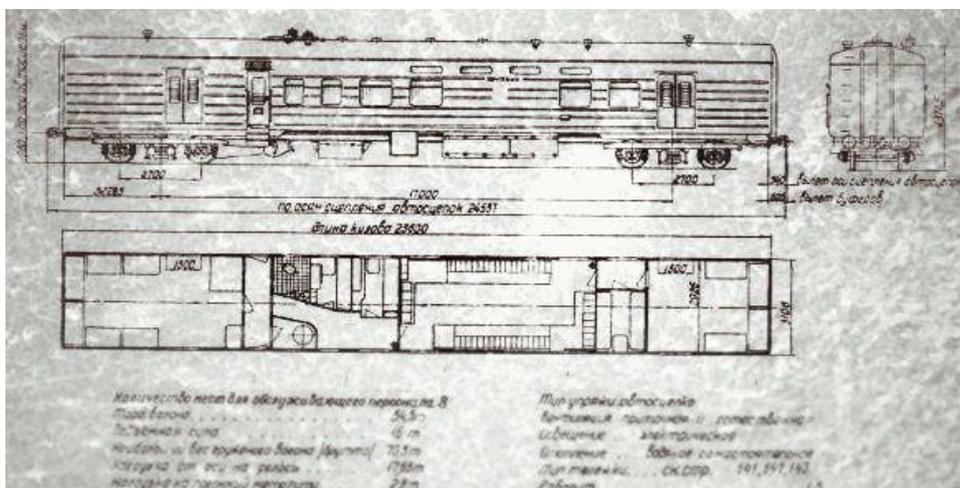
“Во мне спит гениальный инженер и проектировщик”, - ворочаясь с боку на бок, бормотал вполголоса егерь.

Послеполуденный сон выдался весенним солнечным днём на славу. Приготовив на скорую руку харчей для себя и доброго друга, Фёдор отправился “будить” медведя. Так повелось, что тот уже тут как тут возле своего зимнего ложе смотрел вдаль, то и дело выглядывая из-за ели и посасывая лапу по старой привычке, рычал, ожидая пропитания.

Солнечные дни становились длиннее и теплее. В воздухе чувствовалось скорое приближение лета, ветер перестал злобно завывать, зазывая новую и новую пургу. Холод и излишняя влага лениво отступали, господствовал апрель.

Но с наступлением вечера Фёдор покорно и добровольно брал найденную мятую книжечку, и в который раз усердно вчитывался в новые для него слова, и, уже совершенно позабыв про рысь и внезапное, чуть ли не чудесное появление чужой записной книжки, вглядывался в интересные чертежи: “Масса состава определяется отношением, в числителе которого находится разность расчетной силы тяги и произведения массы локомотива на сумму основного удельного сопротивления движению

локомотива и величины расчётного подъёма, умноженного на 10, в знаменателе-сумма основного удельного сопротивления движению состава и величины расчётного подъёма, умноженного на 10”

Пленительный и сладостный сон накрывал егеря каждый раз после уединения с “диковинными записками”.

Может быть, действительно в душе Фёдор был уникальным инженером для того времени? Были ли глубоко внутри него задатки гениального проектировщика?..

Глава 4 “Другая жизнь”

Старый замок Стефана Батория. Живописное место на берегу Нёмана и реки Городничанки. Треугольная форма замка удивляет и завораживает одновременно. Здесь заканчивалось строительство в рамках Петербургско- Варшавской магистрали. Коваль Фёдор Велиславович – известный министр путей сообщения, блестящий проектировщик, достойный инженер и незаменимый работник, и руководитель. Послеосадочный ремонт полотна, создание переездов и монтировка шлагбаумов занимают сейчас всё свободное время главного героя.

С утра до поздней ночи Фёдор занят заглавным делом своей жизни. В грандиозных планах был Витебск.

Город ждал Риго-Орловскую железную дорогу. Его бедное незамысловатое бытие в глухих дебрях, плавно перетекающее изо дня в день после окончания Горы-Горецкой земледельческой школы, а следом и Белорусского института инженеров железнодорожного транспорта перешло в осознанный и важный для него профессиональный путь.

“Уважаемый Фёдор Велиславович! Вам телеграмма!”- один из подчинённых окликнул начальника. Помедлив, Фёдор открыл телеграмму,

рассчитывая на очередную благодарность... Но побледневший вид министра заставил подчинённого выйти и оставить его наедине с телеграммой. Трясущиеся руки и поплывшие буквы не оставили шанса достучаться до истины написанного...но вот подпись адресанта пылала огромным росчерком: ~Джордж Стефенсон~

Позабыв обо всём, Фёдор выскочил из кабинета и стремглав побежал в сторону заброшенной церкви.

Железная дорога – путь длиною в жизнь.

Гудок паровоза сейчас для человека любого возраста – обычное дело, а для проживающих вблизи станций людей, – вообще каждодневный – непрерывный процесс, но так было далеко не всегда. В далёком 1862 году жителей близлежащих деревень и поселений содрогнул непривычный звонкий и в то же время хриплый звук. Это был паровозный гудок железнодорожной линии Петербург- Гродно- Варшава. Железнодорожный бум, точно паучьи лапы, протянул свои рельсы через все белорусские губернии во все стороны света. Люди постепенно начали привыкать засыпать и просыпаться под ритмичный стук колёс. Гужевого транспорт уже с десятков лет забыл своё когда-то прямое предназначение. Без сомнения случилась настоящая революция.

Болеслав Яловецкий, Владимир Тимофеев-Рясовский, Сергей Михин – знаковые люди для недавно вошедшей в эксплуатацию белорусской железной дороги.

А в этом году Белорусская железная дорога уже празднует свой юбилей – 160 лет.

Колкая солома, всю ночь не дававшая спать, под утро предательски воткнулась колкой иголкой прямо в бок спавшему. В холодном поту и с сумасшедшей тахикардией егерь вскочил с лежанки и медленно осмотрел избу, пытаясь не упустить ни одной важной детали. Записной книжки не оказалось ни под подушкой, ни в шкафу, ни на том месте, где он впервые её увидел...

P.S. Уважаемые работники железнодорожного транспорта, сердечно поздравляем Вас с Вашим профессиональным праздником! Спасибо за ваш каждодневный великий титанический труд. Пусть ваш жизненный путь

бесконечными рельсами идёт на станцию “любовь”и всегда горит зелёным семафор!

